

Майя Лавринович

Письма А. Ф. Малиновского (1800-е – 1830-е годы) как попытка автобиографии

Aleksei Malinovskii's Correspondence with Count Nikolai Sheremetev (1800s - 1830s) as an Effort to Create an Autobiography

This article analyses the correspondence by Aleksei Fedorovich Malinovskii (1762–1840) from the point of view of his strategy of creating his new self as an authentic nobleman. Covering the 1800s, his letters to Count Nikolai Petrovich Sheremetev (1751–1809), held at the Russian State Historical Archive in St. Petersburg (RGIA), have not previously received significant scholarly attention as a coherent narrative that reveals the social and cultural dimensions of Malinovskii's personality. His correspondence with other individuals is also drawn in order to demonstrate how these aspects developed in the next decades.

Письма, написанные чиновником Архива Коллегии иностранных дел в Москве Алексеем Федоровичем Малиновским (1762–1840) к графу Николаю Петровичу Шереметеву (1751–1809) в 1800-е годы, никогда не были предметом специального исследования. Объем корреспонденции весьма значителен, но историки используют лишь изредка отдельные письма (Долгова 2006). Однако вырванные из общего потока, они не дают соответствующего той эпохе представления о том, что стояло за теми или иными фактами и почему корреспонденты сочли

нужным сообщить о них. В моей работе я покажу, как в письмах Малиновского к Шереметеву из незначительных событий, отобранных для рассказа о себе и своей семье, складывается его (авто)биография, желаемый жизненный образ. Для понимания контекста жизненной траектории Малиновского я привлекаю также его письма другим корреспондентам. Поток корреспонденции отправлялись из Москвы в Петербург начиная с 1802 года, когда Малиновский взял на себя руководство строительством Странноприимного дома гра-

фа Шереметева в Москве, до середины 1806 года¹ До этого периода и после, когда Шереметев потерял интерес к Странноприимному дому, и вплоть до его смерти, переписка носила эпизодический характер (Лавринович 2016: 106–107)². Пока их отношения были безоблачными, Малиновский писал Шереметеву едва ли не каждую почту, иногда по несколько писем. Помимо переписки, Малиновский не оставил никаких свидетельств о себе, кроме служебных формуляров, однако частота и регулярность писем Шереметеву неразрывно связывают их содержание – текущие дела по строительству Странноприимного дома в

Москве – с его повседневным опытом. Как писал филолог-формалист Г. О. Винокур, личность “лепит и чеканит” свою жизнь из материала окружающей действительности (Винокур 2007: 39).

Центральная тема эпистолярия Малиновского – его всесторонняя преданность своему патрону. В жизни гарантией этой преданности служили многолетняя вовлеченность не только самого Малиновского, но и его отца – протоиерея Федора Авксентьевича Малиновского (1732/37?–1811), – а затем и брата Павла Федоровича (1766–1832) в семейные и бытовые дела графа³. На этот

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 1.

² Письма Малиновского Шереметеву в Петербург и написанные в короткие периоды пребывания его патрона в Москве, а также письма Шереметева к Малиновскому (разрозненные черновики, написанные секретарем под диктовку, иногда – с поправками графа) хранятся в: Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА), ф. 1088, оп. 3, дд. 605, 606, 607, 608, 608, 626; 627; оп. 14, дд. 6, 11, 12. В начале 1900-х годов внук Н. П. Шереметева граф С. Д. Шереметев частично сделал копии из семейного архива (впрочем, фрагментарно), поэтому часть переписки можно найти в: РГАДА, ф. 1287, оп. 1, дд. 4839, 4840.

³ О протоиерее Ф. А. Малиновском и его связях с аристократической элитой см. подробно Lavrinovich 2018: 5–7. Н. П. Шереметев посвятил его в тайну своего венчания с бывшей крепостной Прасковьей Кузнецовой (Ковалевой, Ковалевской) в 1801 году и поручил ему выплачивать ежегодную “мзду” венчавшему их в Москве священнику (РГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 208, л. 17–17 об.; оп. 3, д. 627, л. 14). Шереметев был благодарен протоиерею Малиновскому за его утешения после смерти Прасковьи в 1803 году (РГИА, ф. 1287, оп. 1, д. 4840, л. 39). Младший из братьев, Павел Федорович, “надзирал” за воспитанием сына Н. П. и П. И. Шереметевых Дмитрия Николаевича (1803–1871), сначала неформально, а с 1809 года, после смерти Н. П. Шереметева, – по контракту, заключенному с ним опекунами: он получал в год по 7 тыс., а по совер-

центральный стержень Малиновский нанизывает элементы, которые, вместе взятые, позволяют увидеть, как в письмах он формирует определенное представление о себе – и для своего патрона, и, вероятно, для самого себя.

Круг источников, в которых исследователь сталкивается с чужим Я (*ego-document*), охватывает не только целенаправленно написанные автобиографические тексты, но и дневники, личные письма (Зарецкий 2013: 27). Однако свидетельство человека о самом себе – *Selbstzeugnis* – может содержаться в источниках, независимо от их формы (жанра) (см. Зарецкий 2013: 28–29). Свидетельства о себе следует соотносить с конкретными историческими обстоятельствами, в которых они появились, а не с теми фактами, о которых идет речь в документах. Последние нужны автору не для того, чтобы читатель через много лет выносил о них суждения, а как часть процесса коммуникации. Наличие адресата, публики и т.п. делает автобиографию и любое свидетельство о себе социальной и культурной

шеннолетию воспитанника получил 50 тыс. рублей (см. РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 1804, л. 4–4 об., 15–15 об.)

практикой (см. Зарецкий 2013: 36). Учитывая пересмотр отношений субъекта с самим текстом в гуманитарных науках, автобиографию не следует воспринимать как производное от личности, но можно разглядеть, как субъективность создается в процессе письма (см. Зарецкий 2013: 28). Такой подход к источникам личного происхождения позволяет рассматривать их и как способ создания нового социального субъекта. Письма Малиновского, прежде всего к Шереметеву, – это свидетельства усвоения им свойственных дворянину поведения и образа мыслей, фиксация представления о себе как об истинном дворянине.

Происходивший из семьи московского протоиерея, Малиновский в 1790-е годы добился от польских шляхтичей Малиновских (Malinowski), проживавших в Рогачевском уезде (до раздела Речи Посполитой в 1772 году – повете) Могилевской губернии, фиктивного подтверждения родства. Дворянский титул открыл ему возможности быстрой карьеры, покупки земель и крестьян, а также позволил претендовать на брак с аристократкой (Lavrinovich 2018: 16–18). По мнению Ю. М. Лотмана, дворянский быт конца

XVIII – начала XIX в. строился не только на основе иерархии поведений, сформированной “Табелью о рангах”, но и как набор возможных альтернатив (служба/ отставка; жизнь в столице/ в поместье; Петербург/ Москва; служба военная/ статская; гвардия/армия), каждая из которых подразумевала определенный тип поведения. Дворянский образ жизни означал постоянную возможность выбора, отсекая при этом *недворянское* поведение нормами чести, обычая, государственной дисциплины и сословных привычек (Лотман 1994: 189). Как видно из писем Малиновского, его жизненное пространство строилось вне этой дуалистической системы. Для Малиновского условности и нормы дворянской жизни были не “культурной обузой”, требовавшей “отдушины”, по выражению Лотмана, но целью и ценностью. Он комфортно чувствует себя чиновником на службе, и необходимость *выбирать* для него – это вопрос о том, как совмещать неформальную службу Шереметеву (а затем и другим покровителям) с должностью в Архиве Коллегии.

К началу XIX века служба и неформальные отношения – две сферы жизни российского

дворянина в парадигме Лотмана – организовывались двумя не пересекавшимися принципами: первая – иерархией и строгим бюрократическим порядком, вторая – родством и разными видами корпоративного единства. В основе второй лежали общедворянское единство и честь, разделяемая (по крайней мере, в теории) всеми, кто принадлежал к нему (см. Востриков 1992: 57). Претендуя на принадлежность к дворянской корпорации, Малиновский должен был продемонстрировать, что ему присущи принципы, на которых она строилась, в том числе ключевое понятие чести – особый способ кодификации репутации и статуса (см. Коллманн 2001: 15–16). Составляющими понятия чести были преданность семье, роду, другу. На основе преданности покровителю строились отношения патронажа (см. Kettering 1986: 20), который был важной структурой, пронизывавшей социально-политическую сферу “старого порядка” (см. Lavrinovich 2018). Именно в рамках своих отношений с покровителями Малиновский написал значительную часть своих писем. Из них всех письма Шереметеву по типу фиксации событий и частоте приближаются к

дневнику – одному из способов “создания себя”⁴. Это не случайно: дневники и письма имеют много общего, будучи интимным писанием со своей потенциальной исторической и литературной ценностью. Более того, частные семейные письма могут быть как литературными произведениями, так и формами “социабельности” (sociability) (см. Raperno 2004: 561). Говорить о близости писем Малиновского к дневнику позволяет, прежде всего, привязка к календарю – подневному писанию и рассказ от первого лица. Несмотря на формальное отсутствие у дневника, в отличие от писем, адресата и особую связь с

---

⁴ В XVII–XVIII веках пуритане и пие-тисты применяли дневниковые записи, чтобы культивировать самонаблюдение в поисках спасения в сообществе веры. Этот метод подвергся секуляризации в эпоху Просвещения и повлиял на современный жанр дневника в целом (см. Raperno 2004: 567). Один из примеров роли дневника в формировании идентичности – создание “нового человека” в 1930-е годы. Как пишет Й. Хелльбек: “авторы дневников 1930-х гг. были увлечены поиском того, кем они, в сущности, являются и как они могут преобразовать себя. Их дневники были действенными инструментами для вмешательства в собственное ‘я’, а действия определялись активной приверженностью общему революционному делу” (Хелльбек 2017: 19–20).

частным, интимным и тайным, корреспонденция Малиновского соответствует другому принципу дневниковых записей – отчету о личном опыте в определенный день. Этот отчет может быть адресован автором как самому себе, так и кому-то помимо этого Я. Письма Малиновского создавались как отчеты, адресованные патрону и *работодателю*. В силу специфического содержания писем Малиновского, важно подчеркнуть, что генетически, как жанр, дневники были связаны не только с хрониками или анналами, но и с личными и домовыми приходно-расходными книгами (см. Raperno 2004: 562). Письма Малиновского к Шереметеву касаются прежде всего хозяйственных вопросов: потраченных сумм, деталей постройки Странноприимного дома и оформления его церкви, конфликтов в московской канцелярии графа, назначений служащих в Странноприимный дом. Помимо этого, есть и другие признаки, позволяющие применить к этой переписке оптику дневника. Так, дневник, вопреки предпосылке, что он представляет собой акт интимной коммуникации автора с собой, на практике может иметь в виду читателя,

подобно письмам: от близкого друга или целого круга друзей автора до неизвестного читателя в будущем (см. Рарерно 2004: 564). Письма, в свою очередь, в конце XVIII – начале XIX в. функционировали в семьях (например, Бакуниных) как дневники внутренней жизни, становились средством внутренней коммуникации и частью семейной исторической хроники (см. Рарерно 2004: 568–569; Randolph 2004). В данном случае сравнение писем с дневником важно для демонстрации метода: дневник как средство овладеть темпоральностью создает нарративный шаблон движения во времени, и этот шаблон, в свою очередь, позволяет создавать и фиксировать продолжающуюся самоинтерпретацию (см. Рарерно 2004: 566).

Малиновский блестяще владел умением писать письма. Развитию эпистолярных навыков Малиновского способствовала, прежде всего, многолетняя практика переводчика и секретаря. С конца 1770-х годов он занимался переводами для масонских журналов Н. И. Новикова, в 1780-е годы – для изданий, выходивших в типографии Московского университета, также находившейся под контролем мос-

ковских розенкрейцеров. Одновременно, не оставляя переводы французских пьес и сочинений общественно-политической тематики, он в 1780 году поступил на службу в Московский Архив Коллегии иностранных дел актуариусом, в 1783 году был повышен до переводчика, а в 1794 году получил должность секретаря в чине коллежского асессора. В 1800 году он стал помощником управляющего Архивом Николая Николаевича Бантыш-Каменского⁵.

Развитые навыки повседневного письма позволяли Малиновскому сообщать Шереметеву только то, что он считал нужным или выгодным для себя. Его патрон соглашался с этой тактикой: он таким образом устранился от любых забот о своей московской экономике и строительства Странноприимного дома. Малиновский предлагал на его рассмотрение вопрос, как правило, уже им самим решенный, ставя своего патрона перед уже свершившимся фактом. Так, в 1805 году Малиновскому приглянулись росписи Доменико Скотти в Голицынской больнице. Он заключил с живописцем контракт на сум-

⁵ Подробно о карьере Малиновского см. в работе Lavrinovich 2018.

му 3100 рублей на роспись купола и алтарной арки в домашней церкви Странноприимного дома. Граф придавал очень большое значение украшению этой церкви, освященной в память св. Дмитрия Ростовского. Этому святому Шереметев считал своим семейным покровителем, поэтому назвал его именем своего сына, родившегося в 1803 году. “Весма довольный останусь, если Ваше Сиятельство повелите удостоить апробации вашей сей подряд”, написал Малиновский 1 июня⁶. Пока письмо шло в Петербург, а ответ графа – в Москву, Скотти приступил к работе, получив задаток в 1000 рублей. Однако в письме от 30 июня Малиновский объясняет Шереметеву, почему уже невозможно отменить этот заказ. Неизвестно, что именно не понравилось графу: сюжеты, живописец или же стоимость контракта. “Я могу уверить Ваше Сиятельство, что не найдете сие украшение для Церкви лишним”, убеждал его Малиновский, “Необходимая для алтаря картина воскресения Христова будет иметь помещение совсем отдаленное от картины Скотиевой; ибо сия оканчивает перспективу над большим иконостасом и

---

⁶ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 145.

отовсюду видна [...]”⁷. Шереметев никак не мог повлиять на происходящее, что развязывало Малиновскому руки. Было достаточно убедить патрона, что он просто “поторопился заключением условия с Скотием”, объяснив все “стечением обстоятельств” и прибавив, что невозможность исполнить все, как угодно Шереметеву, надолго повергает его в “беспокойство”⁸.

С конца 1804 года, когда работы в Странноприимном доме были в разгаре, Малиновский добивался от Шереметева согласия нанять себе помощника – некоего Михаила Николаевича Муравьева, “[...] без которого от чтения могу скоро ослепнуть. Бумаг ко мне так много входит, что в иной день ни глаз, ни головы моей не достаёт одолеть их. Батюшка мой часто сокрушается глядя на меня, как успеваю столько обрабатывать: все доклады к вам, дневные канцелярския мемории, и почтовые от вас бумаги с резолюциями я не только прочесть, но и сообразить должен; [...] с мая месяца более двух тысяч номеров”⁹. В 1800-е годы, будучи помощником управляющего Архивом,

---

⁷ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 186 об.

⁸ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 187.

⁹ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 6 об.

Малиновский вел дела Архива, сочинял выписки и экстракты из архивных дел, выполнял запросы Коллегии и лично канцлера по поиску документов; помимо этого, он продолжал заниматься переводом пьес для Московского публичного театра (пока тот не сгорел в 1805 году) – точнее сказать, редактурой подстрочников, которые делали его подчиненные по Архиву (см. Lavrinovich 2020: 241–242). Он также состоял членом Общества истории и древностей российских при Московском университете (с 1804 года) и Оружейной палаты, занимаясь “описанием древностей” (с 1806 года). Учитывая это, его сетования на объем бумажной работы вряд ли можно считать преувеличением, как и то, что в таких обстоятельствах он был вынужден пренебрегать делами или по шереметевской канцелярии, или по Архиву, упуская что-то из виду или пуская на самотек. Жалобы Малиновского на здоровье были систематическими. Поздравляя Шереметева в конце декабря 1804 года с наступавшим новым годом, он писал: “Мне до сих пор не лучше. Кашель мучит, не простудной, а желудочной, но принужден

выезжать [на службу. – М. Л.]”¹⁰. В действительности эти жалобы так настойчивы потому, что Шереметев не торопился обратиться к Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому (1754–1829), в то время – министру почт и уделов и одному из самых близких к Александру I сановников. От Трощинского зависело увольнение служившего в его ведомстве чиновника Муравьева. Малиновский оказывал давление на Шереметева, упирая на свое плохое самочувствие: “в случае моей болезни оне [дела. – М. Л.] могут совсем остановиться, или по обязанностям настоящей моей службы [видимо, в Архиве. – М. Л.] изнурится мое здоровье, что я и успел уже испытать над собою”¹¹. Малиновский не боялся напрямую давить на патрона, поскольку был уверен, что его положение в окружении графа исключительно устойчиво благодаря авторитету его отца, порождавшему доверие к нему лично.

В своих письмах Шереметеву Малиновский представлял себя как единственного человека, соблюдавшего его интерес и заботившегося о его пользе. О вознаграждении за свои

¹⁰ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 10.

¹¹ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 31.

труды он никогда не пишет, упоминает только о денежных суммах для своих помощников. Обязанные лично ему, помощники из своего окружения были нужны Малиновскому, чтобы составить свою собственную партию в канцелярии и противостоять “расхитителям”:

По части экономической я приучаю людей ваших думать и считать, что принадлежащее вам для меня весьма дорого и что за соблюдение всего я более всех отвечаю пред вами. – Истребить плутовство совсем невозможно; но видя, как я во все мелочные расходы вхожу, едва ль осмелится сделать какое либо расхищение¹².

Малиновский был уверен, что происки служащих канцелярии против него не будут иметь успеха, но старался, тем не менее, наступать первым. Значительная составляющая его писем – жалобы на служащих канцелярии, в основном умевших грамоте, обученных управлению хозяйством крепостных и нанятых подьячих: “ни на одного из них совсем

положиться нельзя, а [можно. – М. Л.] употребить одного против другого с успехом для дел ваших”¹³. И в вотчинах, и городских усадьбах Шереметева управление было поставлено крайне неэффективно, а делопроизводство было хаотичным. Для графа это не было тайной, и время от времени он выражал свое возмущение: “Но с чем можно сравнить еще сие упущение и необузданный беспорядок, что управители не имели никогда и никакого попечения, чтоб знать: сколько в экономических вотчинах хлеба и сена, то ли число доставляют те вотчины в Москву хлеба, сколько должно? И затем, сколько онаго должно оставаться!”¹⁴. Подчеркивая злоупотребления и хищения в канцелярии, Малиновский выставлял себя в выгодном свете: “И мне бы легко было многое сваливать на канцелярию вашу; но взявшись за гуж, не могу покинуть его. Здесь все имеют в предмете только самих себя и ловят минуты выслужиться на счет другого, единодушия ж для вашей особы нет”¹⁵. В марте 1805 года Малиновский, наконец, заполучил желаемого помощника

¹² РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 43 об.

¹³ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 628, л. 37 об.

¹⁴ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 189, л. 103 об.-104.

¹⁵ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 20 об.

– как выясняется, своего двоюродного брата¹⁶.

Верность, лояльность патрону, откровенность и искренность, которые Малиновский “практиковал” в письмах, были важной составляющей понятия чести – основной характеристики дворянина. С другой стороны, Малиновский представлял собой продукт петровских реформ, целью которых было превратить службу государству в единственно легитимный способ продвижения по социальной лестнице. Выходец из духовенства, он воспользовался этим правом, начав карьеру чиновника. Однако к концу XVIII в. сенатский указ ограничил недворян в производстве в чины¹⁷, поэтому возникла необходимость доставать, покупать или изобретать “доказательства дворянства” – практика, получившая широкое распространение и не осуждавшаяся обществом¹⁸. Получив благо-

даря этому и вопреки непредвиденным законодательным ограничениям чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство, он не остался “винтиком государственной машины”, а пошел вверх по ступеням чиновничьей карьеры к власти и богатству (см. Вердеревская 1996: 459).

Малиновский, добывший себе сертификат о родстве в 1793 году у польских шляхтичей, прекрасно понимал, что “кодекс чести” дворянина не был, с одной стороны, “присущ” ему от рождения, а с другой, он даже мог служить препятствием, поскольку купленная родословная никак не вписывалась в этот кодекс. Поэтому закономерно, что основой его идентичности стала служба, а не “древность рода” или “честь”. Характерный разговор, описанный Малиновским

¹⁶ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 10.

¹⁷ *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание I (далее – ПСЗ РИ I), т. 23, №16930 (1790).

¹⁸ Так, в те же годы стал “прирожденным дворянином” будущий поэт и воспитатель великих князей Василий Андреевич Жуковский (1783–1852). Будучи незаконнорожденным, Жуковский не имел шансов на получение дворянского статуса. Пользуясь связями в губернском правлении, а

также с самим тульским наместником М. Н. Кречетниковым, его сестры подделали ему родословную, выдав его за польского дворянина, состоявшего с шести лет на военной службе, поскольку польские граждане “свободного состояния” имели определенные привилегии на получение потомственного дворянства по выслуге чина прапорщика даже при отсутствии недвижимых имений в России (см. Глаголева, Фомин 2002). Я благодарю Л. Н. Киселеву за указание на упомянутую работу.

в письме Шереметеву, состоялся у него в 1804 году. К Малиновскому обратился бывший русский посланник в Константинополе (1781–1787) Яков Иванович Булгаков (“он здесь [в Москве – М. Л.] директором Российского благородного собрания (клуба)”) и попросил передать Шереметеву его просьбу: подарить дворянскому собранию статую императрицы Екатерины II. Малиновский ответил за своего патрона отказом, но Булгаков настаивал, жалуясь на затраты в случае необходимости заказывать другую статую. “Он министр [т.е. бывший посланник. – М. Л.], но и я в дипломатической службе состою [курсив мой. – М. Л.]”, писал Малиновский Шереметеву. Слова Малиновского верны с формальной точки зрения: служащие Московского архива Коллегии с 1779 года состояли в штате самой Коллегии иностранных дел¹⁹. Этим объясняется дерзость его ответа: “...а потому и спросил его [Булгакова. – М. Л.], есть ли б вы [Шереметев. – М. Л.] сверх чаяния моего уступили статую, то согласится ли дворянство за сие пожертвование напи-

¹⁹ ПСЗ РИ I, т. 20, №14834 (28 января 1779 года); ПСЗ РИ I, т. 44 (Книга штатов), ч. 2, №14834, с. 163.

сать на пьедестале, что сей монумент воздвигнут вами в честь Императрицы”²⁰. Служба государству уравнила его с потомком служилого рода, по праву рождения принадлежавшего элите государства.

С точки зрения стратегии Малиновского любопытны именные ведомости Архива – документ, ежегодно составлявшийся для отсылки в Коллегию, – за 1793 и 1794 годы, когда он заполучил искомое “подтверждение” своего родства с польскими Малиновскими и добился признания соответствующего сертификата в Сенате. Если в ведомости Архива, составленной в июле 1793 года, переводчик Алексей Малиновский был указан сыном протоиерея, не имевшим за собой крепостных²¹, то в следующем году в беловом отпуске такой же ведомости он стер аналогичную запись, вписав своей рукой, что происходит “из дворян” и владеет 27 д.м.п. в Калужской губер-

²⁰ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 628, л. 40. Члены дворянского собрания, видимо, не согласились уступить Малиновскому и сделать надпись: в 1805 году в зале собрания был поставлен мраморный бюст Екатерины II, подаренный графом А. Г. Орловым-Чесменским (см. Горчаков 1843: 19–21).

²¹ РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 69, л. 226 об.

нии²². Это были первые купленные им крепостные: в Калугу он отправился, взяв отпуск на семь дней, в ноябре 1793 года, еще до получения аттестата из Могилева²³. Скорость, с которой он начинает приобретать крестьян, еще до того, как в июне 1794 года перевод свидетельства о родстве на русский язык придет в Москву²⁴, говорит о нетерпении, с которым он ждал этого момента. Конечно, польские Малиновские не подписали свидетельство даром, но выгода, полученная Алексеем Малиновским, была больше, чем любая заплаченная сумма. Тем самым он проложил себе путь и к дальнейшим чинам, и к покупке крепостных – к чему он на самом деле стремился, как показывают и другие свидетельства.

²² РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 70, л. 241. Впрочем, в местном Калужском архиве, в делах 4-й ревизии, сохранился рапорт уездного предводителя за 1794 год, согласно которому Малиновский владел в Малоярославском уезде 34 крестьянами в селе Смахтине и деревне Микуловке (Государственный архив Калужской обл., ф. 260, оп. 1, д. 13, л. 347 об. – Я благодарю к.и.н. доцента А. М. Феофанова за предоставленную информацию). Вероятно, Малиновский докупил еще семь душ до конца 1794 года.

²³ РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 69, л. 329.

²⁴ РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 70, л. 232 об.

К 1798 году Малиновский – секретарь Архива в чине коллежского асессора – владел 90 д.м.п. в Московской и Рязанской губерниях²⁵, через пять лет – уже 145 д.м.п. О том, как он приобрел их, можно узнать из формуляра, заполненного им в 1803 году для внесения его имени в дворянскую книгу Московской губернии: 31 душа в Рузском уезде была куплена в 1794 году (то есть вскоре после 27 душ в Калужской губернии); 130 крепостных обоего пола он приобрел в Рязанской губернии в 1797 году; в 1802 году он приобрел 105 душ в Дмитровском уезде Московской губернии на аукционе²⁶. К 1817 году он вместе с женой владел уже 719 д.м.п., разбросанными по Московской, Рязанской, Тверской и Тульской губерниям. За 20 лет он увеличил численность своих крепостных в пять раз²⁷.

²⁵ РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 74, л. 503 об.–504., цит. по: Болотина 1999: 211–212.

²⁶ См. свидетельство о записи в дворянскую книгу Московской губернии: Центральный государственный архив города Москвы (Отдел хранения документов до 1917 года) (далее – ЦГА Москвы [ОХД до 1917 года]), ф. 4, оп. 14, д. 140, л. 1–1 об., 5–5 об., 8.

²⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 1, оп. IV–46, 1817, д. 1, л. 63. Малиновский не должен был учитывать крестьян, находившихся во владении жены в Тульской губернии и в Воло-

Подтверждая свой статус, он стремился не только к его материальной составляющей, но и к соответствию образу *honête homme*. Малиновский “чуждался всего, что напоминало его левитизм [то есть происхождение из потомственных священников]; гонялся за ученостью, но еще более имел *притязаний на светскую любезность*”, писал о нем Филипп Филиппович Вигель, поступивший на службу в Архив в 1800 году [курсив мой. – М. Л.]²⁸. За Малиновским закрепилось прозвище “кислосладкий”, в котором слышится отзвук его фамилии: так его, своего начальника, называют “архивные юноши” – и Вигель, и Александр Яковлевич Булгаков²⁹. Для современников, включая младших сотрудников Архива, происхождение Малиновского не было тайной: “Он был, уже без примеси, русского и духовного происхождения, ибо протоие-

---

коламском уезде Московской губернии (всего около 550 душ м.п.), как собственных, поскольку по закону приданое супруги, а также наследуемое ею имущество считалось ее собственностью (см. об этом: Маррезе 2009: С. 104–141).

²⁸ Вигель 1864: 173–174; РГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 76, л. 450. Курсив в цитате мой. – М.Л.

²⁹ Версию о появлении этой фамилии в его семье см.: Lavrinovich 2018: 5–6.

рей, отец его, находился тогда [после 1798 года. – М. Л.] законоучителем в Московском университете”. Говоря о “примеси”, Вигель имел в виду происхождение управляющего Архивом Н.Н. Бантыш-Каменского, родственника молдавских господарей Кантемиров, с одной стороны, и родного племянника убитого во время Чумного бунта 1771 года в Москве архиепископа Амвросия Зертис-Каменского, с другой. Очевидно, что, несмотря на связь с духовенством, природное “благородство” каким-то образом отличало поведение Бантыша, так же, как и его отсутствие у Малиновского было заметно современникам. Александр Булгаков в письме к брату Константину рассказывал в 1826 году, что Малиновский взял у своего тестя, генерал-поручика Петра Алексеича Исленьева, в управление 600 душ, пообещав выдавать ему 6000 руб. в год: “В первый год выдал ему 4000, а потом ни гроша. Вот их любовь, т.е. поповская, предпочитающая деньги всему!” [курсив мой. – М. Л.]. “Не люблю я иезуитскую эту харю”, писал тот же Булгаков в 1833 году, узнав, что Малиновский выживает из архивного флигеля вдову многолетнего сотрудника Архива

Михаила Ивановича Шульца, чтобы поселиться там самому бесплатно и “тысячи три [годовой платы за жилье. – М. Л.] положить себе в карман”. “Каков же п[опови]ч!” восклицает Булгаков, ведь незадолго до этого Малиновский дал за дочерью полмиллиона приданого³⁰.

Дворянский диплом и чины не могли ввести современников в заблуждение, но в обществе, очевидно, существовал некий непроговоренный консенсус по этому вопросу, искусно использованный Малиновским. Благодаря петровской “Табели о рангах”, хотя и подкорректированной к концу XVIII века, а также специфическому этосу службы государству, чиновничество в лице Малиновского не просто стремилось к слиянию с дворянством (см. Вердеревская 1996: 458), но даже было готово конкурировать с потомками служилых родов внутри правящей элиты.

Письма к Шереметеву показывают, как усердно Малиновский стремится к обретению “нужных” привычек: не просто обрastaет поместьями, но ведет соответствующий образ

³⁰ Гастфрейнд 1913: 300–301, прим. 2; *Из писем А.Я. Булгакова к его брату. 1833-й год. Январь-июнь*, «Русский архив», 1902, XI, 3, 510.

жизни (например, уезжает из Москвы в свою “деревнишку” заняться хозяйством). В 1804 году он отпрашивается у Шереметева на две недели “отъехать в деревни” (не оформляя отпуск через Коллегию)³¹, а в мае 1805 года он сообщает Шереметеву: “К завтраму я едва удосужился отъехать в Подмосковную свою на десять дней”³². “Подмосковная” – “деревнишка” в Рузском уезде, где в июне того же года пожар опустошил 16 дворов, чем Малиновский оправдывал свое отсутствие на строительстве Дома в течение трех дней³³. Начиная с 1810 года в метрических книгах церкви Странноприимного Дома, во флигеле которого Малиновский с семьей жил с открытия Дома и до 1826 года, упоминаются его крепостные и дворовые – прислуга, проживавшая при нем в Москве³⁴.

Малиновский стремится к “нормализации” своего быта как дворянского, изгоняя из него любое идущее вразрез с этой нормой поведение³⁵. Из-

³¹ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 628, л. 56 об.

³² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 47.

³³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 50.

³⁴ ЦГА Москвы (ОХД до 1917 года), ф. 2126, оп. 1, д. 1049, л. 1, 35–35 об.; РГАДА, ф. 179, оп. 1, д. 201, л. 151–151 об.

³⁵ Перерывы в нормированном поведении, выпадения из нормы, хотя и

вестно, что в семье Малиновских было три сестры, одна из которых умерла в детстве, о второй – Елизавете (1770 - ?) почти ничего не известно³⁶, а третья, Наталия (1777–1827), вышла замуж за журналиста, профессора Московского университета и одного из “питомцев” московских розенкрейцеров Павла Афанасьевича Сохацкого (1766–1809). Поразительно, но никто из братьев Малиновских – ни Алексей, ни Василий или Павел – никогда не упоминают о них в письмах друг к другу (очень скудно, впрочем, сохранившихся). Тем более неожиданно, что в феврале 1805 года, благодаря Шереметева за щедрый подарок – 3000 рублей, – Малиновский сообщил ему, что собирается истратить их на уплату долгов своей “промотавшейся” сестры, а там “может быть и опять

были сугубо функциональны в пределах данной системы, ограничивались представлениями о “допустимом”. Типы такого нарушения строго классифицировались в соответствии с возрастом и местом человека в социальной иерархии. Общество ясно различало “правильные” (допустимые) и “неправильные” (недопустимые) уклонения от нормы (см. Лотман 1992: 278–279).

³⁶ Она была замужем за надворным советником Иваном Андреевичем Полянским. В месяцесловах XVIII века такого чиновника нет (см. Степанов 2003).

сведу ее с мужем и испрошу прощения от бабушки”. “В семье не без урода”, заканчивает он свою мысль³⁷. Вероятно, отсутствие упоминаний о сестрах в переписке братьев связано в том числе с бегством одной из них от мужа, то есть с “неподобающим” поведением, которое могло лечь черным пятном на карьеру братьев. Семейство Малиновских во главе с отцом-протоиереем должно было оставаться достойным покровительства.

Когда в 1833 году в рязанском поместье Малиновского “уродилось только 11 четвертей ржи, а гречи ни зерна”, он знал, как положено поступить помещику – владельцу крепостных душ: “прокормить тамо двесте душ обоего пола”³⁸. Сообщая об этом Василию Алексеевичу Поленову, директору хозяйственного департамента Министерства иностранных дел, с которым он состоял в постоянной переписке с 1816 года, он сетовал на то, что и служители Архива также бедствовали из-за роста цен на продовольствие. Малиновский просил Поленова

---

³⁷ РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 50. К сожалению, неизвестно, о ком идет речь – о Елизавете или Наталии.

³⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 595, д. 30, л. 33а.

найти способ помочь бедствующим подчиненным – неожиданный поступок со стороны человека, которого называли “искусным в искательстве” и “иезуитской харей”³⁹. Не исключено, что своих подчиненных он рассматривал тоже как своего рода крепостных, только государственных, и искал для них помощи в министерстве.

Из выходцев из духовенства, подобных Малиновскому, к началу XIX века внутри дворянства сложился значительный слой со специфической идентичностью (см. Манчестер 2015: 45–47), в которой главную роль играла служба (а не абстрактная “честь”), а владение крепостными было основной составляющей их социокультурных представлений о себе как о дворянине. При этом число крепостных хотя и было существенным для получения дохода, но важнее было другое: владеть другими людьми (пусть даже самым небольшим количеством, до десяти душ, каким к концу правления Екатерины II обладал каждый третий российский дворянин) означало быть свободным и быть господи-

ном, выступать не столько в качестве правительственного агента, сколько частного лица. Лишь такое приватное властвование давало ощущение господства, подчинения других людей своей воле самого по себе, а не как офицера или чиновника (см. Шипилов 2007: 135–136). Справедливости ради надо сказать, что однажды Малиновский упоминает в письме о своей “чести”. В 1826 году, в письме к министру иностранных дел графу Карлу Васильевичу Нессельроде, которому он подчинялся как директор министерского архива, Малиновский писал, жалуясь на библиотекаря М. И. Шульца, что всегда “был рад и готов воздавать ему добром за зло; но в известном вам случае злобный умысел его *против чести моей* более чувствителен для меня [курсив мой. – М. Л.]”⁴⁰. “Известный” Нессельроде случай – это, конечно, расследование, которое проводилось в Архиве с июня до середины августа 1826 года в связи с доносом отставных унтер-офицеров, охранявших Архив, на Малиновского. Какой “умысел” имел при этом Шульц, прослуживший с Малиновским почти 40 лет, и был ли он связан с доноси-

³⁹ Дмитриев 1998: 165; *Из писем А.Я. Булгакова к его брату. 1833-й год. Январь-июнь*, «Русский архив», 1902, XI, 3, 510.

⁴⁰ РГАДА, ф. 179, оп. 1, д. 201, л. 308.

ками, неизвестно. Однако в условиях только что закончившегося следствия над декабристами, среди которых был и муж родной племянницы Малиновского Андрей Евгеньевич Розен (1799–1884), это было серьезной угрозой. Расследование закончилось благополучно, оставив нам объяснительное письмо, написанное Малиновским императору. В нем он с большим достоинством уточнил, что тот самый “главный над Конторою”, который якобы “ совещається по ночам истребить Императорскую фамилию”, – он сам, и противопоставил себя, включенного в связи с “известнейшими людьми в государстве”: покойными Николаем Михайловичем Карамзиным и канцлером Николаем Петровичем Румянцевым, а также здравствовавшим Алексеем Андреевичем Аракчевым и др., – “каким-то господам”. Это, писал он, “не сообразно ни с умом, ни совестью моею”, однако о чести в письме императору не упомянул [курсив мой. – М. Л.]. Вся его жизнь – пример службы, а цель ее – “приучать молодых людей к совершенной преданности”⁴¹. Он был уверен, что

⁴¹ РГАДА, ф. 179, оп. 1, д. 201, л. 328–329; Белокуров 1899: 5–6.

ни один из тех молодых людей, кто служил под его началом (“шатались в архиве”, по словам М. А. Дмитриева⁴²), не был среди “злоумышленников”. К письму он приложил список служивших в Архиве благородных юношей с указанием их должностей на 1826 год. Однако один “злоумышленник” все же проник в список. Этот был Николай Иванович Тургенев, служивший в Архиве коллегии в 1803–1813 годах и осужденный заочно к вечной каторге, о чем Малиновский, судя по всему, не знал⁴³.

Письма Малиновского Шереметеву, в сочетании со служебными документами и письмами, написанными министерскому начальству, позволяют утверждать, что владение крепостными наряду со службой формировали его дворянскую идентичность, в то время как “честь” – ее основа – все больше архаизировалась. Можно сказать, что представление Малиновского о своем социокультурном статусе приближалось к официальному. Во второй половине XVIII в. оно состояло в том, что идентичность дворянина

⁴² Дмитриев 1998: 165.

⁴³ РГАДА, ф. 179, оп. 1, д. 201, лл. 330–335 об.; 336–340; Белокуров 1899: 7–14.

покоится на службе – исполнении обязанностей – и близости к императору, то есть власти, которая выступала гарантом этой чести. Официальное понятие чести включало также высокое звание, сан, чин, должность, отличия, сближаясь с “репутацией”, источником которой было “начальство” (см. Марасинова 2009: 294).

Переписка, и прежде всего письма Шереметеву, оказались для Малиновского удобным инструментом, позволившим ему выстроить новую культурную (авто)биографию. Стремление к нормализации поведения приводит к потере индивидуальных биографических черт, делая его все более “типичным”, что особенно заметно во второй половине 1810-х – 1820-х годов: награды, чины, должности шли Малиновскому своей чередой благодаря уже новым покровителям (прежде всего, А.А. Аракчееву⁴⁴), в то время как связи с Шереметевыми распадаются после увольнения с должности главного смотрителя Странноприимного дома в 1826 году⁴⁵. У него больше нет необ-

ходимости выбирать между частным и государственным⁴⁶.

⁴⁴ Дмитриев 1998: 165, 597 (прим. 37 и 38).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 197. Оп. 2. Д. 42. Ч. 2. Л. 5–6а; Ф. 179. Оп. 1. Д. 201, л. 328–329; О причинах увольнения Малиновского

в историографии существуют только догадки, одна из них – расследование в Архиве в 1826 году. Однако должность главного смотрителя Странноприимного дома – учреждения частного, хотя косвенно и находившегося под контролем властей, – не шла ни в какое сравнение по своей важности с должностью управляющего министерским архивом, с которой Малиновский уволен не был.

⁴⁶ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

Библиография

Белокуров 1899: С. Белокуров, *К истории Московского главного архива Коллегии иностранных дел*, Москва, Типография Г. Лисснера и А. Гешея, 1899.

Болотина 1999: “Надлежит ... ведать все уставы государственных и важность их”. Документы РГАДА по истории государственной службы России. XVIII в., публ. Н. Болотиной, «Исторический архив», 1999, 3, с. 189–215.

Вердеревская 1996: Н. Вердеревская, *О разночинцах // Из истории русской культуры*, Б. Егоров, А. Кошелев (сост.), Москва, Языки русской культуры, 1996, т. V, с. 452–462.

Востриков 1992: А. Востриков, *О некоторых исключительных способах разрешения конфликтов чести в России начала XIX века // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана*, Е. Пермяков и др. (сост.), Тарту, Эйдос, 1992, с. 57–70.

Вигель 1864: Ф. Вигель, *Воспоминания*, ч. 1, В университетской типографии (Катков и Ко), Москва, 1864.

Винокур 2007: Г. Винокур, *Биография и культура*, Москва, URSS, 2007.

Гастфрейнд 1913: Н. Гастфрейнд, *Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Материалы для словаря лицейстов Первого курса 1811–1817 г.*, собрал и издал Н. Гастфрейнд, Санкт-Петербург, 1913, т. 3.

Глаголева, Фомин 2002: О. Глаголева, Н. Фомин, *Незаконно-рожденные дети в XVIII в.: Новые материалы о получении В. А. Жуковским дворянского статуса*, «Отечественная история», 2002, 6, с. 163–175.

Горчаков 1843: Н. Горчаков, *О российском благородном собрании в Москве*, Москва, Типография С. Селивановского, 1843, с. 19–21.

Долгова 2006: С. Долгова, *Граф Н. П. Шереметев и семья Малиновских // Памяти Лукичева*. Сб. статей по истории и источниковедению, Ю. Эскин (сост.), Москва, Древлехранилище, 2006, с. 364–374.

Дмитриев 1998: М. Дмитриев, *Главы из воспоминаний моей жизни*, подготовка текста и примеч. К. Боленко, Е. Ляминой, Т. Нешумовой, Москва, Новое литературное обозрение, 1998.

Зарецкий 2013: Ю. Зарецкий, *Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет* // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов, Ю. Зарецкий, В. Лихачев, А. Зарецкая (сост.), Москва, ИД Высшей школы экономики, 2013, с. 24–41.

Коллманн 2001: Н. Коллманн, *Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени*, Москва, Древлехранилище, 2001.

Лавринович 2016: М. Лавринович, *Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Федоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв.*, «Российская история», 2016, 3, с. 91–110.

Лотман 1992: Ю. Лотман, *Театр и театральность в строе культуры начала XIX века* // Ю. Лотман, *Избранные статьи. Статьи по семиотике и топологии культуры*, Таллинн, Александра, 1992, т. 1, с. 269–286.

Лотман 1994: Ю. Лотман, *Искусство жизни* // Ю. Лотман, *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, Санкт-Петербург, Искусство–СПБ, 1994, с. 180–210.

Манчестер 2015: Л. Манчестер, *Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России*, Москва, Новое литературное обозрение, 2015.

Марасинова 2009: Е. Марасинова, *“Благородство” и “честь” российского дворянина* // Особенности российского исторического процесса: Сб. ст. памяти академика Л. В. Милова. К 80-летию со дня рождения, А. А. Горский (ред.), Москва, РОССПЭН, 2009, с. 291–299.

Маррезе 2009: М. Маррезе, *Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России: (1700–1861)*, Москва, Новое литературное обозрение, 2009, с. 101–141.

Степанов 2003: В. Степанов, *Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795)*, Санкт-Петербург, Академический проект, 2003.

Хелльбек 2017: Й. Хелльбек, *Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи*, Москва, Новое литературное обозрение, 2017.

Шипилов 2007: А. Шипилов, *“Благородство” против “подлости” (специфика формирования сословной культуры русского дво-*

рyанства), «Общественные науки и современность», 2007, 1, с. 132–144.

Boutcher 2002: Boutcher, Warren, 2002. ‘Literature, Thought, or Fact? Past and Present Directions in the Study of the Early Modern Letter’ in Toon Van Houdt, Jan Papy, Gilbert Tournoy and Constant Matheussen (eds.), *Self-presentation and Social Identification. The Rhetoric and Pragmatics of Letter Writing in Early Modern Times* (Leuven: Leuven University Press), 137–163.

van Houdt, Papy 2002: van Houdt, Toon and Papy, Jan. 2002. ‘Introduction’, in Toon Van Houdt, Jan Papy, Gilbert Tournoy and Constant Matheussen (eds.), *Self-presentation and Social Identification. The Rhetoric and Pragmatics of Letter Writing in Early Modern Times* (Leuven: Leuven University Press), 1–15.

Kettering 1986: Kettering, Sharon. 1986. *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*, (New York: Oxford University Press).

Lavrinovich 2018: Lavrinovich, Maya, 2018. ‘The Servant of Two Masters? The Role of Patronage and Clientage in the Career Strategies Of a Moscow Official In the Late 18th and Early 19th Centuries’, *Cahiers du Monde Russe*, LIX (1): 7–36.

Lavrinovich 2020: Lavrinovich, Maya, 2020. ‘Wealth, Nobility and Sentiment: Aleksei Malinovskii’s Translation of August von Kotzebue’s *Poverty and Nobleness of Mind as Self-Fashioning*’, *Slavonic and East European Review*, XCVIII (2): 235–265.

Paperno 2004: Paperno, Irina. 2004. ‘What Can Be Done with Diaries?’, *The Russian Review*, LXIII(4): 561–573.

Randolph 2004: Randolph, John. 2004. “That Historical Family”: The Bakunin Archive and the Intimate Theater of History in Imperial Russia, 1780–1925’, *The Russian Review*, LXIII (4): 574–593.

